

M. Beard. THE ROMAN TRIUMPH. Cambridge (Mass.) – London: Belknap Press of Harvard University Press, 2007, 434 p.

М. Бёрд. РИМСКИЙ ТРИУМФ. Кембридж – Лондон, 2007, 434 с.

Рецепция античного мира, античной цивилизации – весьма популярное направление в современной науке о древности (в том числе и отечественной). В числе самых ярких образов, связанных с историей Рима, знакомых многим еще со школьной скамьи, – образ римского триумфа, давно ставшего символом не только военной победы, но и всякого блестящего успеха вообще.

В последнее время за рубежом вышло в свет немало работ, посвященных этому феномену¹. Обычно исследуется собственно римский триумф, но появляются и работы, где рассматривается его восприятие в культуре нового времени². Эта тема немалое место занимает и в книге крупнейшей современной исследовательницы греческой и римской культуры профессора Кембриджского университета Мэри Бёрд.

Образ триумфа интересовал еще первого поэта итальянского Возрождения Франческо Петрарку. В его написанной по-латински поэме "Африка" о Второй Пунической войне торжественное шествие победителя Ганнибала Сципиона Африканского связывается с поэтическим триумфом одного из первых стихотворцев Рима, Квинта Энния. Естественно, под Эннием автор подразумевал себя. (Заметим также, что он написал поэму "Триумфы", где использовал этот образ в качестве аллегории для изложения своих философских идей). Крупнейший художник Ренессанса Андреа Мантенья написал для мантуанских правителей Гонзага цикл картин "Триумф Цезаря".

Итальянские гуманисты со свойственной им скрупулезностью собрали все античные свидетельства о победных торжествах в Древнем

Риме, в середине XVI в. Онуфριο Панвинио опубликовал "Пять книг [триумфальных] фаст" (*Fastorum Libri V*), которые и поныне являются одной из самых полных сводок источников по этой теме. Идеологическое осмысление триумфа нашло отражение в сочинении Флавио Бьондо "Рим, празднующий триумф" (*Roma triumphans*) (1459 г.), в котором он доказывал, что прямой наследницей римских триумфов является католическая церковь. "Подобно тому, как в древности Рим был свидетелем длинной вереницы триумфов, так же теперь он центр торжествующей церкви со всем ее христианским церемониалом и военными победами над врагами религии в лице турок" (звучит это, заметим, весьма странно, если учесть, что Бьондо писал всего через несколько лет после падения Константинополя, которому папа так и не смог оказать обещанную помощь). В отличие от Бьондо упомянутый выше Онуфριο Панвинио проводил историческую линию от триумфов Рима к Священной Римской империи. В 1536 г. ее повелитель Карл V торжественно вступил в Рим после побед над турками в Африке, устроив зрелища, "постановку" которых осуществил не кто иной, как папа Павел III. "Сам Карл выступил в роли христианского триумфатора – победителя неверных и второго Сципиона Африканского – Ромула и св. Петра в одном лице" (с. 53–55). От императора Карла V не отставал и король Франции Генрих II: в 1550 г. его войска вступили торжественным маршем в Руан. Королевские солдаты несли изображения покоренных победоносной французской армией крепостей, сознательно подражая третьему триумфу (62 г. до н.э.) знаменитого римского полководца Гнея Помпея, когда он праздновал победу над понтийским царем Митридатом Евпатором (с. 31–32).

Не отказал себе в удовольствии уподобиться римлянам и Наполеон Бонапарт. Вернувшись во Францию после итальянской кампании 1796–1797 гг., он велел пронести по улицам Парижа захваченные на Апеннинском полуострове скульптуры и картины – то же самое происходило и во время римских триумфов. Как замечает Бёрд, "есть какая-то ироническая справедливость в том, что принадле-

¹ Назовем наиболее крупные исследования: *Lunsford A.D. Roman on Parade. Representations of Romaness in the Triumph. Diss. Ohio univ., 2004; Itgenshorst T. Tota illa pompa. Der Triumph in der römischen Republik. Göttingen, 2005.* Нашу рецензию на вторую из этих работ см.: Вестник древней истории, 2007, № 4, с. 205–209.

² См., например: *Miller A. Roman Triumphs and Early Modern English Culture. Basingstoke – New York, 2001.*

жавшие римлянам шедевры оказались на параде в чужеземном городе – совсем как двумя тысячелетиями ранее, когда добыча из Греции проносилась по Риму". Даже далекая Америка не избежала увлечения римским триумфом. В 1899 г., после завершения испано-американской войны, адмирал Джордж Дьюи устроил в честь победы парад в Нью-Йорке; конечно, до демонстрации пленных и добычи не дошло, но триумфальная арка на Мэдисонсквер была сооружена. Вспоминает Бёрд и состоявшийся в Москве 24 июня 1945 г. Парад Победы на Красной площади, когда германские знамена и штандарты были повержены к подножию Мавзолея Ленина (с. 2, 328–329). При этом автор упоминает и "золото Шлимана" как образец добычи в виде культурных ценностей, увезенных победителями, но ничего не пишет о подобных действиях гитлеровских оккупантов на советской земле.

Всё это показывает, что если сама идея древнего триумфа жива, то с конкретными его деталями все обстоит не так просто – воспроизводятся лишь отдельные элементы праздника. Наиболее близким к торжествам в Риме в честь очередного военного успеха оказался парад эфиопских войск Раса Тафари (будущего императора Хайле Селассие) в Аддис-Абебе после победы в битве при Сагале (1916 г.) над повстанцами негуса Микаэла. Этот парад красочно описал английский исследователь и литератор Уилфред Тезигер. Мимо императрицы шли воины, которые сбрасывали плащи и просили у нее одежду получше. Разрешалось говорить что угодно. Шеи коней были покрыты окровавленными плащами, на них висела добыча, захваченная у тех, кого убил тот или иной всадник. За пехотой следовал сам Раса Тафари в окружении знамен и икон, а потом и пленные, в том числе и негус Микаэл – пеший и в цепях. Тезигер ему явно сочувствует. "Всего месяц назад, – пишет он, – Микаэл был гордым повелителем Абиссинии, и горьким оказался для него этот час, когда его вели в триумфе перед ненавистными шонами" (племенем победителей). Налицо разительное сходство с римским триумфом, гораздо большее, чем в Европе, – свободоречие участников торжеств³,

процессия знатных пленников, мысль об их несчастьях (с. 329–330). Хотелось бы сделать два замечания: мысль о несчастьях побежденных посетила скорее самого Тезигера, но думали ли так местные жители, мы не знаем⁴; кроме того, автор не ставит закономерного вопроса о том, почему Раса Тафари смог организовать триумф куда более в духе римлян, чем это делалось в западных странах. Между тем ответ лежит на поверхности – уровень развития эфиопского общества еще позволял устраивать подобные зрелища, никого не шокируя, тогда как в Европе и Америке это восприняли бы иначе.

Бёрд показывает, как в искусстве нового и новейшего времени проявляется идея сочувствия побежденным, превращения их из жертв в фактических победителей, ибо дух их остался несломленным, а сами они оказываются в центре внимания. Итальянский художник XVIII в. Джованни Батиста Тьеполо написал картину "Триумф Мария" – победное шествие в честь победы римлян над нумидийским царем Югуртой (104 г. до н.э.). Выразительная поза законченного в цепи царя выражает его непокорность и силу духа (с. 135). Не менее показательна картина немецкого художника Карла фон Пилоти "Туснельда во время триумфальной процессии Германика" (1873 г.). Эта процессия состоялась 26 мая 17 г. н.э. в честь побед Германика, племянника императора Тиберия, над германскими племенами. Если у Тацита, описывающего (причем, заметим, весьма кратко) эти торжества, все внимание обращено на победоносного полководца (Анналы, II, 41), то Пилоти ставит в центр композиции Туснельду, жену германского вождя Арминия, победителя римлян в Тевтобургском лесу в 9 г. н.э., и их трехлетнего сына (о нем известно из другого источника – "Географии" Страбона, VII. 1. 4). Фигуры обоих залиты светом, тогда как триумфатор оказывается на заднем плане и в тени. Выступающая во время триумфа в роли жертвы Туснельда становится победительницей, все взоры устремлены на нее. Как считает Бёрд, все это надо воспринимать в контексте национализма XIX в., когда борцы против рим-

³ Во время триумфа римские воины иногда распевали насмешливые песни о своем полководце (Светоний. Божественный Юлий, 49,4; 51; см. о них с. 247–249 книги Бёрд).

⁴ Между тем пленным в Риме иногда выражали сочувствие: детям македонского царя Персея во время триумфа Эмилия Павла в 167 г. до н.э. (Плутарх. Эмилий Павел, 33,4) или египетской царевне Арсиноэ во время триумфа Цезаря в 46 г. до н.э. (Дион Кассий, XLIII, 19), см. с. 136–137 книги Бёрд.

ских завоевателей превращались в героев патриотического пантеона той или иной страны: галльский вождь Верцингеториг – во Франции, британская царица Боудикка – в Англии, Арминий – в Германии (с. 107–111). Заметим также, что картина впервые была представлена на суд публики в 1873 г., что весьма знаменательно, поскольку именно в этом году завершилось объединение Германии под властью прусской монархии.

И еще об одной важной идее, нашедшей отражение в культуре нового и новейшего времени, пишет Бёрд – в самом триумфе было заложено напоминание о возможности поражения нынешнего победителя в будущем. Еще в древности бывали случаи, свидетельствующие об этом: например, когда Помпей хотел въехать в Рим на слонах, ворота оказались слишком узки, а у Цезаря во время триумфа будто бы прямо напротив храма Фортуны сломалась ось колесницы (ирония судьбы – Фортуна на сей раз изменила ему!). И вот много столетий спустя великий Донателло на шлеме Голиафа, убитого Давидом, изобразил сцену триумфа – что может быть более наглядной иллюстрацией того, как легко победа сменяется катастрофой? Еще один пример, весьма неожиданный и

относящийся уже к современности, – карикатура художника Бориса Дракера для журнала "Нью-Йоркер". На ней изображена триумфальная арка, работу над строительством которой заканчивают несколько мастеров (кстати, слева от нее вдали виден Колизей, причем в своем современном, частично разрушенном состоянии). Подпись под рисунком гласит: "Пока дела идут хорошо. Будем надеяться, что мы победим". Идея этой остроумной карикатуры очевидна – твой "триумф завтра может смениться триумфом над тобой" (с. 2–3, 17, 102, 252).

Конечно, далеко не все, что можно сказать о восприятии римского триумфа в культуре нового и новейшего времени, изложено в книге Бёрд. Однако приведенный ею материал интересен, как и соображения, высказанные исследовательницей. Надеемся, ее книга послужит дальнейшему плодотворному изучению этой темы.

А.В. Короленков,
кандидат исторических наук,
научный редактор журнала
"Новая и новейшая история"

H. Schilling. KONFESSIONALISIERUNG UND STAATSIINTERESSEN. INTERNATIONALE BEZIEHUNGEN 1559–1660. Paderborn – München – Wien – Zürich: Ferdinand Schöningh. 2007, 673 S.

Х. Шиллинг. КОНФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ 1559–1660. Падерборн – Мюнхен – Вена – Цюрих, 2007, 673 с.

Книга известного немецкого историка, члена ряда европейских академий, профессора Берлинского Гумбольдт-университета Хайнца Шиллинга является вторым томом серии "Руководство по истории международных отношений", охватывающей период с середины XV в. по 1990 г. На взгляды автора повлияла распространявшаяся в современной зарубежной историографии концепция Конфессионализации (взаимодействия и слияния церкви, общества и государства при определяющей роли конфессии в государственном строительстве и самоидентификации верующих в условиях появления протестантизма) как ведущей парадигмы европейской истории второй половины XVI –

первой половины XVII вв. Под конфессией понимается вероисповедание, принципы которого сформулированы в официальных документах на государственном уровне как государственной или территориальной церкви¹.

¹ См. подробнее: *Прокопьев А.Ю.* Германия в эпоху религиозного раскола 1555–1648. СПб., 2002, с. 15–23; *Ивонин Ю.Е.* Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее новое время 1495–1806, т. 1. М., 2004, с. 20–43, *Konfessioneller Fundamentalismus. Religion als politischer Faktor im europäischen Mächtesystem um 1600.* Hrsg. von H. Schilling. München, 2007.

Объясняя выбор хронологических рамок работы, Шиллинг подчеркивает, что исходная дата не представляла для него проблемы, так как мир в Като-Камбрези, завершивший Итальянские войны 1494–1559 гг. и временное прекращение соперничества Габсбургов и Валуа, последовал вскоре после заключения Аугсбургского религиозного мира 1555 г. и отречения Карла V от короны императора Священной Римской империи и короля Испании, что означало конец эпохи, прошедшей под знаком попыток создания надгосударственной и транснациональной империи. Политическая история Европы с того времени определялась борьбой за статус и влияние в Европе, ныне вышедшей за пределы континента, что грозило военным и политическим господством одного государства над другими. Поэтому Шиллинг маркирует окончание периода не просто Вестфальским миром 1648 г., а десятилетием между этим миром и Пиренейским миром между Францией и Испанией 1659 г. и Оливским миром 1660 г., установившим новый порядок в Балтийском регионе. Развивая эту мысль, Шиллинг подчеркивает, что период между 1559 и 1660 гг. стал фазой решающих изменений в формах и проявлениях внешней политики. Эти изменения после первой большой европейской религиозной и межгосударственной войны, Тридцатилетней (1618–1648), обеспечили стабильность и международный порядок, построенные на принципах государственного суверенитета и международного права. В то же время, отмечает автор, государства еще не были так организованы и структурированы, как в эпоху классической европейской системы государств XVIII–XIX вв., отношения внутри которой часто изображались как игра в бильярд. Но не менее сложными были роль конфессии в отношениях между государствами, а также место в них папского Рима и Женевы как центра влияния интернационального кальвинизма. Характерными чертами международных отношений этого периода были также усиление роли Швеции на Балтике, вхождение в европейскую политику на ее восточном фланге России и постоянная угроза с юго-востока со стороны Османской империи. Другим важным моментом, по Шиллингу, было формирование европейской системы государств раннего Нового времени как результат процесса монополизации государством публичной власти, понятие, которое по отношению к тому времени можно употреблять с осторожностью, поскольку в си-

стему государств входили не только политические структуры и религиозные блоки². Кроме того, важную роль играло отражение внешней политики в искусстве, придворном и дипломатическом церемониале, формировании дипломатического корпуса (с. 3–16).

Основой формирования европейской системы государств, как полагает Шиллинг, было в первую очередь государственное строительство, имевшее внутри- и внешнеполитический аспекты. Первый из них заключался в интеграции и концентрации всех политических, социальных, экономических и прочих сил под верховной властью государей и олигархий в республиках. Внешнеполитический аспект нашел отражение в укреплении внешних границ и в "округлении" своих территорий в виде экспансии или достижении "естественных границ". Между 1550 и 1660 гг. процессы государственного строительства особенно ускорились, результатом чего стало формирование абсолютистского государства раннего нового времени. Важным моментом этого процесса была монополизация внешней политики государством, вытеснение из нее "негосударственных игроков" (*nichtstaatlichen Akteuren*), например гугенотов или Католической лиги, и монополия прав представительства в руках государя. Вторым по важности моментом в формировании государственной внешней политики Шиллинг считает политику "округления" территорий, в том числе с помощью династических браков и на их основе формирования "составных монархий" (*composite monarchies*). Кроме этого, значительную роль в формировании внешней политики государств того времени играли экономика, прежде всего торговые интересы, роль которых Шиллинг подчеркивает особо, и прочие государственные интересы. Особо следует, по его мнению, учитывать линию на внутриполитическую консолидацию с помощью внешнеполитических успехов. Еще одним отличительным моментом международных отношений изучаемого им периода Шиллинг считает ранжирование и иерархизацию государств в европейском политическом порядке как в смысле претензий на универсализм и защиты

² См. Шиллинг Х. Становление европейских государств раннего Нового времени и формирование политической системы их взаимоотношений как системы держав современной Европы. – Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. М., 2002, с. 19–38.

от них, так и стремлении к гегемонии отдельных государств, а в условиях равновесия сил соотношение внутри равных по рангу государств. Далее, немаловажное место занимали в международных отношениях слава государя, честь государства и его ранг среди других европейских держав. Наряду с государственным строительством шло укрепление военной организации государств, выразившееся в "военной революции", которая потребовала колоссальных затрат, что могли осуществлять только сильные государства с эффективной налоговой системой. И, наконец, автор обращает внимание на сакральные основания государственной власти, которые сохранили свою роль и даже усилились в результате Реформации и Конфессионализации, но параллельно им укрепились светские и правовые представления о государстве и его внешней политике, воплощавшиеся в принципах "государственного интереса" (с. 21–33).

Во многом определяющее значение в развитии международных отношений 1559–1660 гг. Шиллинг придает Реформации, Контрреформации и Конфессионализации, расколовших окончательно единство христианского мира. Формирование трех основных конфессий – лютеранской, реформистско-кальвинистской и тридентско-католической, а также англиканской, обусловило их тесные отношения с государственными властями, устанавливавшими религию для своих подданных и сделавших эти церкви игроками на международной арене. В результате почти на столетие в европейской политике утвердились католический и протестантский интернационализмы, которые, однако, не были всеобщими и абсолютными. Конечно, тенденции конфессионального фундаментализма нередко оказывались господствующими, что приводило к религиозным войнам. Светские рациональные моменты все же играли важную роль как во внутригосударственном строительстве, так и в международных отношениях, примером чего являлась прежде всего Франция, которая в борьбе против Габсбургов и католической Испании вступала в союзы с протестантскими противниками Дома Габсбургов. Но внутри своих государств власти делали церковные организации важным средством государственного строительства и подчинения подданных (с. 34–35, 38–41).

Большое внимание в книге уделено военным аспектам международных отношений и

особенно "военной революции" в организации армий, стратегии и тактике, что, как он пишет, содействовало процессам государственного строительства в европейских странах, а также становилось мотором социальных изменений (с. 68–69, 75, 80–81, 88–89, 93–99). Специальный раздел книги посвящен деятельности негосударственных игроков и информационным сетям того времени, среди которых наибольшую роль играли религиозные организации, что было унаследовано во многом со времен средневековья (с. 107–119). В разделе "Инструменты государственной внешней политики" подробно рассмотрены проблемы, связанные с созданием государственной дипломатии раннего нового времени, когда на основе европейского международного права сформировались особое посольское право и посольская неприкосновенность как нормы постоянной дипломатии, оформившейся сначала в отношениях между великими державами, пока XIX в. не стал рубежом между дипломатией раннего нового времени и старыми предгосударственными формами посольской службы. Признаками дипломатии нового времени были, замечает Шиллинг, не только международное и военное право, но и нормы проведения международных конгрессов, сформулированные юристами XVI – первой XVII вв., от Франсиско де Витории и до Гуго Гроция. Примечательно, что нормы международного права тесно переплетались с ведущими политическими теориями эпохи от Филиппа де Коммина до Томаса Гоббса (с. 120–121, 138–145, 147–159).

Интерес представляет также раздел о формировании национальных мифов и "черных легенд", например, возникших в Англии и Республике Соединенных провинций (Голландии) негативных образов Испании и испанцев, которые служили не только оправданию политической и экономической экспансии, но и укреплению собственной национальной и культурно-религиозной идентичности. Именно в это время, пишет Шиллинг, возникли мифы о национальном происхождении германцев, англичан, французов и т.д., которые под пером гуманистов стали играть государствообразующую роль (с. 174–175). Очень хорошо показано формирование средств коммуникаций и информации, прежде всего газет и журналов, и их роль в пропаганде политики государственных властей. Интересно написан раздел о соотношении региональных групп государств и европейской системы государств. Шиллинг подчеркива-

ет, что смена ведущих политиков часто вела к структурным изменениям и возникновению новых концепций межгосударственных отношений. Ведущими и динамическими группами были западно- и южноевропейская группы государств (к первой относились Франция, Англия, Голландия, ко второй – Испания с Португалией, итальянские государства). В центре средне-европейской группы государств находились Германия и владения австрийских Габсбургов, третья группа, традиционно самостоятельная, состояла из государств по берегам Балтийского моря, а в нее стремилось войти Московское царство. Но, замечает автор, каждой из этих групп государств в той или иной мере угрожала Османская империя. Внутри и на основе всех этих групп складывались религиозные альянсы, конфликты между которыми вылились в конечном счете в Тридцатилетнюю войну (с. 193, 196–200, 276–280, 347–371).

Во многом рубежной датой Шиллинг считает 1600 г., поскольку на исходе XVI в. и в начале XVII в. одновременно усилились Конфессионализация и конкуренция государств, на место биполярного соперничества Габсбургов и Валуа, а затем Бурбонов пришло многополярное соперничество новых игроков с их религиозными и политическими амбициями. Усиление Конфессионализации выразилось в конфессиональном фундаментализме, а конкуренция государств в их территориальных и династических претензиях, что немецкий историк рассматривает как кризис развития и процесса модернизации (с. 385–420). В части "С", в которой излагается событийная сторона, отмечается, что Тридцатилетняя война, обретшая общеевропейское значение, является доказательством того, что региональные группы государств в рамках европейской системы государств укрепились и произошло взаимодействие между этими двумя уровнями международных отношений (с. 423 и далее). Отметим, что Шиллинг резко выступает против попыток некоторых немецких историков (Г. Барудио, Г. Шмидт) изображать Тридцатилетнюю войну больше как "немецкую войну", так как участие в ней Испании, Швеции и, наконец, Франции делало ее в первую очередь

европейской, на чем, заметим, настаивал в свое время Б.Ф. Поршнев (с. 507–564). В заключительном разделе книги, носящем весьма характерное название "Европейский порядок государств под знаком секуляризации, равенства государств и отказа от универсализма", автор отмечает, что эпоха большой европейской войны в результате дипломатических контактов и мирных переговоров одновременно стала временем рождения мирной дипломатии нового времени. Это началось с Пражского мира 1635 г. и завершилось миром в Мюнстере в январе 1648 г. между Испанией и Голландией, Вестфальским миром в октябре 1648 г. между Империей и Францией, Империей и Швецией, Пиренейским миром между Францией и Испанией 1659 г. и миром в Оливе 1660 г. между Швецией, Бранденбургом, Польшей и Империей. Кроме того, Шиллинг подчеркивает оборонительный характер Священной Римской империи, который политики и историки XIX и начала XX вв. расценивали как неспособность Германии раннего нового времени к сильной государственной политике, исходя из представлений своего времени, тогда как 1660 г. еще не был эпохой великих держав, и в это время независимую роль играли Речь Посполитая, Голландия, Португалия и другие государства (с. 565–567, 587–591).

Подводя итоги своей работы, немецкий историк отмечает возникновение "светскости" и автономии политики и дипломатии, плюрализма равноправных государств, конец универсализма, формирование правового характера международных отношений к концу изученной им эпохи, одной из главных парадигм которой была Конфессионализация, приведшая тем не менее к утверждению рационального содержания международных отношений (с. 593–601). Книга Шиллинга отличается превосходным изложением и анализом международной политики в 1559–1660 гг. и является определенным вкладом в изучение этой тематики.

Ю.Е. Ивонин,

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой всеобщей истории
Смоленского государственного университета